

СЕРГЕЙ КУЛИКОВ*

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД — КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ ПРИЧИН ТРАНСФОРМАЦИИ ФИЛОСОФСКИХ ОБРАЗОВ НАУКИ

PHENOMENOLOGICAL APPROACH AS THE KEY TO UNDERSTANDING OF THE TRANSFORMATION REASONS OF PHILOSOPHICAL IMAGES OF SCIENCE

The paper defends the thesis that phenomenological methods can play key role in explications of the transformation reasons of philosophical images of science. It can be made by the comparative analysis among phenomenology and other approaches revealing strong and weaknesses of separate approaches. Such principles of an explication of the transformation reasons of philosophical images of science were allocated: 1) the science is a set of the idealizing consciousness attitudes which allow to build images of the world in borders of regional ontologies (or «particular ways of understanding of reality»); 2) idealizing attitudes correspond to the comprehension of intentionality experiences structures; 3) the general transformation reason of images of science is the change of consciousness attitudes.

Keywords: science, philosophical image of science, transformation reasons, phenomenology, intentionality, consciousness, comparative analysis of approaches.

В работе отстаивается тезис о том, что феноменологические методики могут сыграть ключевую роль в экспликации причин, по которым трансформируются философские образы науки. Выполняется сравнительный анализ феноменологии и других подходов, раскрывающий сильные и слабые стороны отдельных подходов. Были выделены такие принципы экспликации причин видоизменения философских образов науки: 1) наука — это совокупность идеализирующих установок сознания, позволяющих выстраивать образы мира в границах региональных онтологий (или «частных способов понимания действительности»); 2) идеализирующие установки соответствуют структурам сознания, представляющим совокупность интенциональных переживаний; 3) общей причиной трансформации образов науки является изменение установок сознания.

Ключевые слова: наука, философский образ науки, причины трансформации, феноменология, сознание, интенциональность, сравнительный анализ подходов.

Актуальность исследования феноменологического подхода в качестве ключа к пониманию причин трансформации философских образов науки обусловлена как ми-

* Куликов Сергей — доктор философских наук, доцент Томского государственного педагогического университета, декан факультета общеуниверситетских дисциплин, заведующий кафедрой философии и социальных наук.

KULIKOV SERGEY — Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor of Tomsk State Pedagogical University, Dean of Faculty of General-university Disciplines, Head of Chair of Philosophy and Social Sciences.

(✉) kulikovsb@tspu.edu.ru

нимум двумя моментами: 1) общей влиятельностью феноменологических методик в современной философии; 2) относительной неполнотой осмысленности методологического потенциала феноменологии в отношении процедур экспликации причин, по которым трансформируются философские образы науки.

Цель нашего исследования — раскрыть эвристические возможности подходов к экспликации причин видоизменения философских образов науки и сравнить данные подходы с феноменологией. При этом под «подходом» подразумевается фундаментальный способ понимания науки, лежащий в основе формирования конкретного образа науки. Основаниями для выделения подходов выступают: 1) общность объекта исследования; 2) общность используемых понятий; 3) степень влияния на формирование философских установок понимания науки.

В качестве материалов, вовлекаемых в исследовательский процесс, выступают диалектический, философско-культурологический, аналитический, логико-гносеологический, социокультурный, науковедческий и фаллибилистский подходы к изучению науки. Не менее важно отметить и то, что в число задач нашей работы входит представление научному сообществу обновленных (расширенных и дополненных) результатов некоторых из ранее опубликованных автором трудов, центральным из которых стала отдельная монография.¹

Главным методом исследования выступил сравнительный анализ. Именно сравнительный анализ позволил произвести своего рода измерительную процедуру, в рамках которой упомянутые выше подходы раскрыли свои сильные и слабые стороны. Естественным образом выполненное сравнение привело нас к идее, которая и зафиксирована в названии статьи: феноменология — это ключ к пониманию причин трансформации философских образов науки. Причем под «образом науки» подразумевается понимание науки в рамках самой науки, в философии науки и философской рефлексии результатов научно-технического развития. Именно такое истолкование в дальнейшем может послужить целям разработки некоторого обобщенного образа науки, видоизменения которого и интересуют современных философов. Впрочем, последнее относится к другим исследованиям, проводившимся нами в области экспликации причин трансформации образов науки, а потому выходит далеко за пределы настоящей статьи и не может быть в ней представлено.

В итоге выполненных сравнительно-аналитических изысканий были получены следующие представляемые для обсуждения результаты.

Сторонники феноменологического направления (Э. Гуссерль, М. Шелер, Н. Гартман, М. Мерло-Понти и др.) занимают особую позицию в отношении науки. Как замечает Э. Гуссерль, в число задач философского анализа науки входит «...изучить науки, как того или иного рода систематические единства, другими словами, исследовать, что придает им характерную форму наук».² С такой точки зрения наука — это

¹ Куликов С. Б. Процессы трансформации философских образов науки. Томск, 2012. С. 160.

² Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Минск: Харвест, М.: АСТ, 2000. С. 37.

совокупность идеационных действий сознания, составляющих специфическую «региональную эйдетику».

Под региональной эйдетикой Э. Гуссерль подразумевает следующее: «Любая конкретная эмпирическая предметность вместе со всеми своими материальными сущностями подчиняется соответствующему наивысшему материальному роду, “региону” эмпирических предметов. Тогда чистой сущности региона соответствует эйдетическая наука региона, или же — так тоже можно сказать — онтология региона».³ Из этого ясно, что отдельные науки с феноменологической точки зрения выражают эйдосы сфер действительного.

Под эйдосом Э. Гуссерль непосредственно понимает «сущность», применяя это понятие наряду с категориями «идея» и «идеал». Э. Гуссерль замечает: «С выражениями “идея” и “идеал” дело обстоит и не так плохо, но в целом все же достаточно плохо, что дали мне почувствовать нередкие лжеистолкования моих “Логических исследований”. Потребность вполне четко отделить в высшей степени важное кантовское понятие идеи от всеобщего понятия (формальной или материальной) сущности тоже вынуждает меня изменить терминологию. Поэтому из заимствованных слов я пользуюсь терминологически незатертым словом “эйдос”, а в качестве слова немецкого, сопряженного с неопасными, хотя иной раз и огорчительными недоразумениями, словом “Wesen” — “сущность”».⁴ Из этого можно заключить, что с феноменологической точки зрения наука, опуская терминологические разночтения, — это так же и процесс превращение в эйдос или идею регионов действительности, их идеация.

Под идеацией Э. Гуссерль подразумевает представление действительных явлений в качестве интенциональных объектов, опыт переживания которых в рамках сознания позволяет посредством понимания способа данности предмета сознанию прояснить общую сущность предмета, его идею или эйдос. Так, Э. Гуссерль замечает: «Переживание — это переживание чего-либо, например, вымысел — это вымысел кентавра, а восприятие — восприятие “реального” предмета, суждение — суждение о соответствующем положении дел и т. д., — все это относится не к переживаемому факту в мире, в особенности в фактической психологической взаимосвязи, а относится к чистой сущности, постигаемой через идеацию просто как идея. В сущности переживания заключено не только то, что оно есть сознание, но и то, чего сознание оно есть».⁵ Из этого ясно, что наука представляет собой особую совокупность (единство) интенциональных переживаний или идеальных форм сознания.

По Э. Гуссерлю, единство интенциональных переживаний в науке задается так называемой «естественной установкой». Под естественной установкой понимается следующее: «Естественное познание начинается с опыта и остается в опыте. Итак, в той теоретической установке, какую мы называем “естественной”, совокупный горизонт возможных исследований обозначен одним словом — мир. Посему все науки с такой изначальной установкой суть науки о мире, и пока таковая исключительно

³ Там же. С. 45.

⁴ Там же. С. 23.

⁵ Там же. С. 111.

царит, объемы понятий “истинное бытие”, “действительное бытие”, то есть реальное бытие, и — поскольку все реальное сводится в единство мира — “бытие в мире” совпадают». ⁶ Из этого ясно, что наука может быть понята как совокупность идеализирующих процедур естественного осознания мира.

Как представляется, чуть более ясно ту же мысль излагает М. Шелер: «И тем не менее феноменология по своему замыслу — прямая противоположность так называемого “феноменализма”, то есть учения, согласно которому наше познание есть лишь познание так называемых “явлений” неких реальностей, лежащих за этими явлениями. Она даже стремится показать, как появилось это разделение (учение Гете о цвете). Но тогда она должна показать также и то, как из ее фактов получаются основные понятия объясняющей науки, например, понятия, используемые в механическом объяснении природы, основные понятия позитивной биологии: жизнь, среда, стимул, реакция, смерть, рост, наследственность; основные понятия дескриптивной и объясняющей психологии, наук о культуре и о духе». ⁷ Из этого ясно, что с феноменологической точки зрения под наукой как одним из вариантов идеализирующих процедур можно понимать процесс выработки смысла «объясняющих понятий».

Феноменологическую интерпретацию науки обогащает М. Мерло-Понти, исходно замечая, что «...когда наука учится справляться с тем, что вначале устраняет как субъективное, то она шаг за шагом вводит его обратно. Однако интеграция осуществляется на уровне частного случая отношений или объектов, которые-то и означают для нее мир. В итоге мир замыкается на себе самом и все мы, за исключением того, кто в нас мыслит и создает науку, за исключением того беспристрастного наблюдателя, который обитает в нас, становимся частями или моментами Великого Объекта». ⁸ Из этого следует, что наука исходно может быть признана отражением деятельности по объективации.

В то же время феноменологическая интерпретация действий по объективации позволяет понять эти действия как процедуры специфической идеализации. В частности, М. Мерло-Понти утверждает: «Когда внутри картезианства происходила “идеализация” физического мира посредством определения этого мира исключительно с помощью внутренних свойств, то есть с помощью того, чем он являлся в своем чистом бытии объекта перед совершенно очищенным мышлением, то, желая того или нет, эта идеализация служила источником вдохновения для науки о человеческом теле, которая разлагала это тело на сплетение объективных процессов и с помощью понятия ощущения доходила в своем анализе до понятия “психики”». ⁹ Из этого ясно, что с феноменологической точки зрения наука есть особая деятельность сознания, в рамках которой искусственно различается объект и субъект (природа и человек).

⁶ Там же. С. 29.

⁷ Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. С. 244–245.

⁸ Мерло-Понти М. Видимое и невидимое. Минск: Логвинов, 2006. С. 25–26.

⁹ Там же. С. 42.

М. Мерло-Понти заключает следующее: «...бытие-объектом, равно как и бытие-субъектом, рассмотренное в оппозиции и в отношении к бытию-объектом, не образуют альтернативы друг для друга; что воспринимаемый мир находится по эту или по ту сторону от указанной антиномии и что неудача “объективной” психологии, вместе с неудачей “объективной” физики, должна быть понята не как победа “внутреннего” над “внешним” и “ментального” над “материальным”, но как призыв к ревизии нашей онтологии и к пересмотру понятий “субъекта” и “объекта”».¹⁰

Из всего этого ясно, что феноменологический подход, объектом которого является анализ структур сознания и его действий (актов), предполагает критику наличных способов научного познания с точки зрения переосмысления и обновления их онтологических оснований. Переход от естественного (феноменалистского) сознания к феноменологическому влечет за собой и переход в понимании науки от фактуального (ориентированного на факты) к сущностному ее представлению. С такой точки зрения причиной трансформации образов науки является изменение форм или установок осознания действительности. В особенности это прослеживается в работах Н. Гартмана, акцентирующего внимание, например, на онтологической вторичности процессов познания относительно эмоциональных актов.¹¹ С таких позиций Н. Гартману, в частности, видится возможность ввести идею «расслоения восприятий». Под этим подразумевается возможность прояснить и зафиксировать моменты данности объектов сознанию, выступающие своеобразным «фоном», который и указывает на конкретный способ данности.¹²

Сравнительный анализ феноменологии и других подходов предполагает, прежде всего, соотнесение феноменологии и диалектической линии исследований. В рамках диалектической линии также присутствует особого рода феноменологический подход к пониманию науки. В то же время, как замечает Э. Кассирер, диалектическая феноменология, разработанная Г. Ф. В. Гегелем, отличается от феноменологических исследований, основы которых заложил Э. Гуссерль. Так, Э. Кассирер утверждает: «Для Гегеля феноменология была фундаментальной предпосылкой философского познания, поскольку он ставил перед последним требование: охватить тотальность духовных форм, где сама эта тотальность постигалась не иначе как в переходе от одной формы к другой. Истина есть “целое”, однако это целое не дано нам сразу, но должно постепенно развертываться в движении самой мысли и согласно ее собственному ритму. Именно это развитие составляет бытие и сущность науки. Начало мысли, “элемент” мысли, в котором существует и живет наука, получает свое завершение и прозрачность для самого себя лишь благодаря движению собственного становления».¹³ Из этого ясно, что гегелевская феноменология с точки зрения современной феноменологии есть феноменализм, основанный на естественной установке сознания.

¹⁰ Там же. С. 37.

¹¹ Гартман Н. К основоположению онтологии. СПб.: Наука, 2003. С. 486–487.

¹² Гартман Н. Эстетика. Киев: Ника-Центр, 2004. С. 72.

¹³ Кассирер Э. Философия символических форм. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. Т. 3. С. 6.

Сторонники диалектической линии исследований опираются на идею о взаимообусловленности развития действительности и мышления. На своих высших этапах это развитие раскрывается в виде стремления общества к самоорганизации на базе рационального знания. Таким знанием выступает идеалистическая философия (Г. Ф. В. Гегель) и (или) материалистическая наука (К. Маркс, Ф. Энгельс).¹⁴

Ф. Энгельс замечает: «Гегель освободил от метафизики понимание истории, он сделал его диалектическим, но его понимание истории было по своей сущности идеалистическим. Теперь идеализм был изгнан из своего последнего убежища, из понимания истории, было дано материалистическое понимание истории, и был найден путь для объяснения сознания людей из их бытия вместо прежнего объяснения их бытия из их сознания».¹⁵

С позиций диалектического подхода наука по необходимости представляется как система понятий. Так, Г. Ф. В. Гегель полагает, что философия может быть наукой только на базе абсолютного метода, представляющего собой «имманентное развитие понятий», которое отражает процесс развития мышления. В данном отношении частные разделы науки — это понятия, выражающие этапы такого процесса.¹⁶

Во многом аналогичное понимание сохраняется и в диалектическом материализме. Так, Ф. Энгельс замечает, что «освобожденная от мистицизма диалектика становится абсолютной необходимостью для естествознания, покинувшего ту область, где достаточны были неподвижные категории, представляющие собой как бы низшую математику логики, ее применение в условиях домашнего обихода. Философия мстит за себя задним числом естествознанию за то, что последнее покинуло ее. А ведь естествоиспытатели могли бы убедиться уже на примере естественнонаучных успехов философии, что во всей этой философии имелось нечто такое, что превосходило их даже в их собственной области».¹⁷ Из этого ясно, что так же, как и у Г. Ф. В. Гегеля, наука в рамках диалектического материализма выступает, прежде всего, системой развивающихся понятий (категорий).

Важным отличием является новое понимание онтологического статуса научных категорий. Так, Ф. Энгельс полагает, что «диалектика головы — только отражение форм движения реального мира, как природы, так и истории».¹⁸ Из этого ясно, что наука есть отражение реальности, выражающееся в форме развивающихся категориальных систем.

Необходимо уточнить, что мы не оспариваем верность определений науки, выработанных в рамках отечественной мысли на основе диалектико-материалистического подхода. В частности, В. П. Кохановский дает следующую формулировку этого

¹⁴ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1974–1977. Т. 1. С. 88–89; Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 39 т. М.: Госполитиздат, 1954–1966. Т. 20. С. 539–540; Там же. Т. 19. С. 201; Мегилл А. Карл Маркс: время разума. М.: «Канон+» РООИ; «Реабилитация», 2011. С. 30–37.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 39 т. М.: Госполитиздат, 1954–1966. Т. 19. С. 208–209.

¹⁶ Гегель Г. В. Ф. Наука логики. М.: Мысль, 1998. С. 7.

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 39 т. М.: Госполитиздат, 1954–1966. Т. 20. С. 520.

¹⁸ Там же. С. 519.

определения: «Наука — это всеобщая общественная форма развития знания, продукт “общего исторического развития в его абстрактном итоге” (Маркс)».¹⁹ Мы полагаем, что обнаружение в рамках диалектического подхода оснований для сведения науки к виду развивающейся системы понятий позволяет сфокусировать внимание на одной из слабых сторон диалектического подхода.

Ж.-П. Сартр замечает по поводу основ диалектики, в частности, противопоставляя диалектической концепции ничто феноменологическую концепцию: «Истинно конкретное для Гегеля и есть сущее с его сущностью, то есть целое, образованное посредством синтетического включения всех абстрактных моментов, которые в нем себя превосходят, требуя своего дополнения. В этом смысле бытие будет самой абстрактной и самой бедной абстракцией. <...> Хайдеггер, вполне допуская возможность конкретного постижения Ничто, не впадает в ошибку Гегеля, он не сохраняет в небытии бытие, хотя бы и абстрактное. Ничто не есть, оно ничтожит себя. Оно поддерживается и обуславливается трансцендентностью. <...> Только в одном ничто можно подняться над бытием».²⁰ Из этого ясно, что конструирование искусственных понятийных систем на базе диалектического подхода затрудняет непосредственное познание действительности, а значит и науку как действительное явление.

Феноменологический подход позволяет преодолеть трудности, связанные с диалектическим способом познания, раскрывая методику достижения конкретности знаний о мире в контексте опоры на совокупность установок сознания, действующих в рамках конкретных ситуаций. Образ мира зависит от определенной установки, поэтому анализ установок — это анализ мира. Точно так, согласно М. Мерло-Понти, могут быть различены установки философского и научного сознания: «Философия — это не наука, поскольку наука верит в то, что может обзреть свой объект и считает обеспеченной корреляцию знания и бытия. Философия — это целое вопросов, в котором тот, кто спрашивает, сам затронут своим вопросом. Однако та физика, которая научилась физикалистски ситуировать физика, как та психология, которая научилась ситуировать психолога, лишились внутри социального-исторического мира иллюзии абсолютного обзрения».²¹ Из этого ясно, что с феноменологической точки зрения наука — это особая сфера региональной онтологии, позволяющая, в частности, ставить под вопрос абсолютистские установки.

Из всего этого вытекает возможность обнаружить большую эффективность феноменологии в плане экспликации причин трансформации образов науки сравнительно диалектического подхода. В рамках диалектики причиной изменения способов понимания науки является включение науки как элемента процесса развития категорий в процессы идеального (духовного), либо же материального (общественно-исторического) развития. Феноменология позволяет понять искусственность такого включе-

¹⁹ Кохановский В. П. Философия и методология науки. Ростов н/Д.: Феникс, 1999. С. 45.

²⁰ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: ТЕРРА-Книжный клуб; Республика, 2002. С. 50–51; 55.

²¹ Мерло-Понти М. Указ. соч. С. 44.

ния, акцентируя внимание на установках сознания, от которых зависит тот или иной образ мира. Из этого ясно, что диалектический образ науки в силу своих исходных предпосылок становится частной установкой, которая, тем не менее, не даёт возможности увидеть (осознать) себя в таком качестве изнутри собственных устремлений.

Раскрытие методологической эффективности феноменологического подхода для экспликации причин трансформации философских образов науки требует соотнесения феноменологии с философско-культурологическим (Э. Кассирер) направлением исследований. Особенностью сравнения феноменологического и философско-культурологического подходов является то, что Э. Кассирер на одном из этапов развития собственных исследований применяет понятие «феноменология познания». Однако смысл в это понятие вкладывается такой: «Когда я говорю о “феноменологии познания”, то присоединяюсь не к современному употреблению слова “феноменология”, но возвращаюсь к исходному его значению, как оно было установлено и систематически обосновано Гегелем».²²

С позиции философско-культурологического подхода наука — это одна из символических форм, образующих в целом символический универсум человеческой культуры. Причем Э. Кассирер полагает, что «наука — это последняя ступень в умственном развитии человека; ее можно считать высшим и наиболее специфичным достижением человеческой культуры».²³ В то же время данный подход сталкивается со значительной трудностью: интерпретация науки как символической формы, сближение ее с мифологией, искусством и религией и различение с ними только по функциям в рамках культуры лишает науку статуса самостоятельного объекта исследования. Сосредоточение исследовательского внимания на структурах сознания в рамках феноменологического подхода, основы которого были заложены Э. Гуссерлем, позволяет преодолеть эту трудность.

Из всего этого вытекает возможность обнаружить большую эффективность феноменологии в плане экспликации причин трансформации образов науки сравнительно философско-культурологического подхода. Так же, как и диалектика, философско-культурологический образ науки соответствует особой установке сознания, которая не может преодолеть собственного ограничения в силу связанности с предметами собственного отношения. Предпочтение феноменологическому подходу позволяет отдать уже то, что феноменология делает возможным выявить «культурологическую» установку как некий факт, не упуская из виду параметры собственной интенциональности.

Представители еще одного подхода к исследованию науки, а именно аналитической философии (Г. Фреге, Дж. Мур и др.) делают акцент на языковой обусловленности научного познания. Стремление разработать основы непротиворечивого языка раскрывается в рамках максимально точного постижения действительности, в особенности последовательного и самоочевидного формализма, например, логико-ма-

²² Кассирер Э. Философия символических форм. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. Т. 3. С. 6.

²³ Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарики, 1998. С. 685.

тематического. При этом акцент делается на частных проблемах: логический вывод, референция и других.²⁴

В контексте неопозитивизма (М. Шлик, Р. Карнап и др.), выступающего одной из ветвей аналитической философии, распространено воззрение на науку как деятельность по выработке предложений, отражающих существенные стороны действительности. Структура действительности соответствует системе концептуальных структур или схем, являющихся «сокращенными» (формализованными) записями реальных событий. В связи с этим происходит натурализация научного знания в формах языка.²⁵

А. Макинтайр моделирует действия представителей аналитического направления, предлагая вообразить мир глобальной катастрофы, в которой были обвинены ученые, а научные знания оказались утрачены под влиянием действий общественных запретов на преподавание научных дисциплин в школах и университетах. С течением времени члены воображаемого общества попытались восстановить утраченное знание, но реконструировали только его языковые формы, а базовый смысл был утрачен вместе с утраченным культурным контекстом. Как полагает А. Макинтайр, «если бы в этом вымышленном мире процветала аналитическая философия, в ней этот беспорядок никак не отразился бы. <...> Аналитический философ в вымышленном мире уточнял бы концептуальные структуры, которые он принял за научное мышление и дискурс, точно так же, как он это делает с концептуальными структурами естественных наук в реальном мире».²⁶

Аналитический подход сталкивается с существенной трудностью, обусловленной характером его базовой направленности на анализ концептуальных структур или схем. Д. Дэвидсон, подвергнув анализу идею концептуальной схемы, заключает следующее: «Было бы ошибкой суммировать вышеизложенное, утверждая, что мы показали возможность коммуникации между людьми, обладающими различными концептуальными схемами, для которой не требуется того, чего не может быть: нейтрального основания или общей координирующей системы. Ибо мы вообще не нашли осмысленного основания для того, чтобы можно было сказать, что эти схемы являются различными. Не следует также объявлять об удивительной сенсации, будто все человечество <...> разделяет общую схему и онтологию. Поскольку мы не можем обоснованно утверждать, что схемы различны, постольку мы не можем считать, что схема является одной и той же».²⁷ Из этого ясно, что в рамках аналитического подхода затруднительно определить базовую концептуальную схему для обоснования самих процедур схематизации. Вместе с тем раскрывается относительная онтологическая пустота аналитического подхода к исследованию науки.

24 Аналитическая философия: становление и развитие (антология). М.: Дом интеллектуальной книги; Прогресс-Традиция, 1998. С. 18–19.

25 Аналитическая философия. М., 1998. С. 69–70; Карнап Р. Значение и необходимость. Исследования по семантике и модальной логике. М.: Иностранная литература, 1959. С. 23–25.

26 Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали. М. Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. С. 6.

27 Аналитическая философия: избранные тексты. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 159.

Феноменологический подход оказывается более эффективным, поскольку представление науки как особых способов деятельности сознания позволяет надеяться на большую строгость понимания основы научного познания. Как замечает А. Макин-тайр, даже в мире глобальной катастрофы с временно утраченным и возрожденным в искаженных формах научным знанием «все структуры интенциональности были бы такими, как они есть сейчас».²⁸

Из всего этого вытекает возможность обнаружить большую эффективность феноменологии в плане экспликации причин трансформации образов науки сравнительно аналитического направления и его ответвлений. Более того, есть основания утверждать, что отдельные попытки построить интегративный образ науки в рамках аналитического подхода во многом воспроизводят феноменологические идеи. В частности, М. А. Киссель обнаруживает параллели между идеями Э. Гуссерля и А. Уайтхеда, отстаивающих позиции необходимого характера философского обоснования научных исследований²⁹. В контексте разработок А. Уайтхеда познание мира зависит от особенностей протекания процессов восприятия («чувствования»)³⁰. В рамках феноменологического подхода выявляется зависимость аналитического образа науки в целом от соответствующей направленности сознания.

В том же отношении могут быть разведены феноменологический подход и позиция, сторонники которой акцентируют внимание на логических и гносеологических основах науки (П. В. Копнин, А. К. Сухотин и др.). В рамках этого подхода исследования направлены на фундаментальное обоснование научного знания, в частности, выделяется методологический каркас, гарантирующий объективность научной практики: методическое обеспечение, условия разрешения парадоксов, установление онтологического статуса формализованных (в частности, математических) объектов и другие аспекты³¹. С такой точки зрения наука — это совокупность особых форм знания (теория, гипотеза и др.).

В частности, П. В. Копнин замечает: «Знание как необходимый элемент и предпосылка практического отношения человека к миру является процессом создания идей, целенаправленно, идеально отражающих объективную реальность в формах его деятельности и существующих в виде определенной языковой системы. <...> Логика — это наука о знании, человеческое знание едино, и поэтому можно сказать, что существует только одна логика, т. е. логика научного знания. <...> Логика — это теоретический образ научного знания, причем не только такой, каким он существует, но и в некоторой идеальной форме. <...> Наука — прикладная логика. Это означает прежде всего, что она логически организованная система теорий, а не механическая совокупность их. Именно в этой связи теорий заключается особенность науки как системы знания».³²

²⁸ Макинтайр А. Указ. соч. С. 6.

²⁹ Киссель М. А. Судьба старой дилеммы (рационализм и эмпиризм в буржуазной философии XX века). М.: Мысль, 1974. С. 223–227.

³⁰ Уайтхед А. Избранные работы по философии. М.: Прогресс, 1990. С. 298–302.

³¹ Копнин П. В. Гносеологические и логические основы науки. М.: Наука, 1974. С. 39–40, 292–293.

³² Там же. С. 307, 491–492.

Так же, как и в ситуации аналитической философии, в отношении логико-гносеологического подхода феноменология предполагает возможность более последовательно представить научно-исследовательскую деятельность, акцентируя внимание на ее базовых средствах (актах сознания), а не только на продукте (знании).

Следовательно, обнаруживается бóльшая эффективность феноменологии в плане экспликации причин трансформации образов науки сравнительно логико-гносеологического подхода, позволяя осознать границы «знаниевого» образа науки. Так, в рамках логики науки основной перспективой является «...овладение законами развития науки как системы знания и более эффективное использование ее результатов в практике человека по созданию необходимого ему мира вещей и отношений».³³ Из этого вытекает представление о причинах трансформации образов науки под влиянием изменений, прежде всего, в области практики и только потом — в рамках самой науки. Понимание того, что это только одна из возможных установок, причем непреодолимая изнутри себя самой, позволяет заключить, что феноменология более продуктивна. Представление о том, что трансформация образов науки зависит от смены установок сознания, то есть от сугубо внутренних относительно науки причин, слабо зависящих от влияния внешнего окружения, позволяет преодолеть ограничения логико-гносеологического подхода.

В отличие от сторонников феноменологического подхода, обращающих внимание на внутренние особенности функционирования науки, представители социокультурного (Л. Флек, Т. Кун и др.) и науковедческого (Г. М. Добров, Н. И. Родный и др.) направлений изучают науку в основном с внешней стороны. Причем сторонники социокультурного подхода полагают принципиальным выделить зависимость научных открытий от исторических обстоятельств их совершения, интерпретируют научные факты в качестве динамически развивающихся явлений, проясняют многие другие моменты. В науковедении ставятся вопросы о прогнозе, управлении и других аспектах развития науки. Близкие по духу идеи содержатся в работах фаллибилистов (Ч. Пирс, К. Поппер и др.), направленных на анализ характеристик роста научного знания. С этих точек зрения наука ставится в зависимость от культурных идеалов и социальных норм, а также от способов оформления исследовательского поиска, например, в виде процесса совершения проб и ошибок.³⁴

Так, Л. Флек замечает: «Проблема зависимости науки от эпохи и социальной среды в наше время особенно актуальна. Дело не только в зависимости труда научных работников от социальных условий и не в том, что эти условия могут ускорять либо замедлять развитие науки. Речь идет о зависимости самого содержания науки, ее проблем и даже фактических данных. <...> Есть еще одна причина актуальности проблемы связи между наукой и средой. <...> С ростом специализации, неизбежной из-за

³³ Там же. С. 559.

³⁴ Флек Л. Возникновение и развитие научного факта: введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 25–26; Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки: сборник. М.: Логос, 2005. С. 7–10; Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2 т. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1994. Т. 2. С. 256–257.

огромного роста знаний, становятся все более важными социологические проблемы отдельных наук. Это проблемы организации и педагогики, проблемы стыковки различных областей научного знания, популяризации и профессиональности, проблемы объединения научных дисциплин и пр.».³⁵

Основные трудности, с которыми сталкиваются социокультурный, науковедческий и фаллибилистский подходы — это релятивизация оснований анализа науки в рамках социокультурного подхода, относительная нечеткость объекта исследования в науковедении, а также отсутствие строгой целенаправленности развития науки с позиций фаллибилизма.

В частности, П. Фейерабенд, занимая социокультурную позицию, убедительно показывает равноценность в истории человечества мифологии и науки. Так, у науки нет «особого метода», более того, считает П. Фейерабенд, «первобытные племена имели более разработанные классификации животных и растений, чем современные научные зоология и ботаника; им были известны лекарства, эффективность которых изумляет медиков».³⁶

В то же время современное науковедение находится в кризисе, который, согласно А. В. Юревичу, обусловлен, в том числе и тем, что, «...несмотря на интегративные декларации 70-х годов прошлого века оно [науковедение. — С. К.] вместе с мировой наукой о науке так и осталось пестрым конгломератом дисциплин, не сумев стать единой дисциплиной».³⁷ Такое состояние позволяет заключить, что науковедческий подход не дает возможности понять науку как целостный объект. Образ науки лишается четких границ, то есть нет принципиальных препятствий перед ассоциацией с ним любых социальных проявлений научно-исследовательской деятельности, в том числе и традиционно считающихся «антинаучными».

Акцент на методологию «проб и ошибок» в рамках фаллибилизма приводит, например, К. Поппера к идее о том, что «...научный опыт, можно представить как результат ошибочных, как правило, догадок, их проверки и обучения на основе наших ошибок. Опыт в таком смысле не является «источником знания».³⁸ Так же ранее и Ч. Пирс полагал, что целью научного исследования является не знание, но мнение, причем не обязательно истинное.³⁹ Вместе с тем наука приобретает характер деятельности, случайной по результатам.

Феноменологический подход выгодно отличается от социокультурного, науковедческого и фаллибилистского подходов. В частности, исследуя начало геометрии, Э. Гуссерль замечает: «Именно идеальных предметностей, тематических в геометрии, и касается теперь наша проблема: как геометрическая (равно как и всех прочих наук) идеальность из своего изначального внутриличного истока, в котором она

35 Флек Л. Наука и среда // Флек Л. Возникновение и развитие научного факта: введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива. М., 1999. С. 167.

36 Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. С. 463.

37 Юревич А. В. Науковедческая «башня», или еще раз о предмете и структуре науковедения // Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки. М.: Логос, 2005. С. 30

38 Поппер К. Указ. соч. Т. 2. С. 465.

39 Пирс Ч. Начала прагматизма // Логические основания теории знаков. СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. Т. 1. С. 103–104.

представляет собой образования в пространстве создания души первого изобретателя, достигает своей идеальной объективности? Нам уже заранее ясно: посредством языка, в котором она обретает, так сказать, свою языковую плоть. Но как языковое воплощение из лишь внутрисубъективного делает образование объективным?»⁴⁰ Из этого ясно, что с феноменологической точки зрения наука ассоциируется с конкретным типом идеализирующего сознания, представая в виде особой его структуры и имея в качестве специфической цели получение объективного знания.

Следовательно, обнаруживается бóльшая эффективность феноменологии в плане экспликации причин трансформации образов науки сравнительно социокультурного, науковедческого и фаллибилистского подходов. В данном случае ситуация не ограничивается представлением о том, что социокультурный, науковедческий и фалибилистский подходы не вполне осознают зависимость собственной позиции от базовой установки соответствующего сознания. Речь может идти о том, что фундаментальные трудности этих подходов (релятивизация оснований, размывание объекта исследования и др.) связаны с такими установками, которые не позволяют выявить точные причины трансформации философских образов науки.

Так, например, социокультурная позиция Т. Куна допускает возможность радикальных изменений порядка научных исследований как смены парадигм в контексте научных революций. Т. Кун замечает: «После научных революций множество старых измерений и операций становятся нецелесообразными и заменяются соответственно другими. Нельзя применять одни и те же проверочные операции как к кислороду, так и дефлогистированному воздуху. Но изменения подобного рода никогда не бывают всеобщими. Что бы ученый после революции ни увидел, он все еще смотрит на тот же самый мир. <...> В результате наука после периода революции всегда включает множество тех же самых операций, осуществляемых теми же самыми инструментами, и описывает объекты в тех же самых терминах, как и в дореволюционный период».⁴¹ Из этого ясно, что под «трансформацией образа науки» может пониматься сугубо инструментальные видоизменения, зависящие от отраслей научного знания.

Более того, Т. Кун полагает, что «научные революции <...> должны рассматриваться как действительно революционные преобразования только по отношению к той отрасли, чью парадигму они затрагивают. <...> Например, астрономы могли принять открытие рентгеновских лучей как простое приращение знания, поскольку их парадигмы не затрагивались существованием нового излучения. Но для ученых типа Кальвина <...> открытие рентгеновских лучей нарушало одну парадигму и порождало другую».⁴² Из этого ясно, что в таком контексте под «трансформацией образа науки» следует понимать изменение не собственно образа, а только смену позиций конкретных групп ученых.

Другими словами, не наблюдается причинной связи между развитием отраслей науки и, например, видоизменениями статуса ученого в обществе. Смена парадигм

⁴⁰ Гуссерль Э. Начало геометрии. М.: Ad Marginem, 1996. С. 216.

⁴¹ Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2002. С. 172.

⁴² Там же. С. 130.

не влечет за собой превращение ученого в «жреца науки», в смысле члена религиозной организации. В то же время феноменологическое представление о зависимости образа науки от установок сознания предполагает именно такой радикализм, хотя, конечно, не социального плана.

Так, Э. Гуссерль замечает: «Итак, естествоиспытатели отзываются о математике и всякой эйдетике скептически, однако в своей эйдетической методике поступают догматически. К счастью для них! Ведь великим естествознанием стало благодаря тому, что недолго думая отодвинуло в сторону буйным цветом расцветший античный скептицизм и отказалось от того, чтобы преодолеть его».⁴³ Из этого ясно, что изменения в науке тесно связаны с изменениями в эйдетике, которая соответствует подвижкам в понимании сути вещей, смене образа мира.

Еще более важными являются такие высказывания Э. Гуссерля: «Правильная позиция, какую можно занимать внутри догматической в хорошем смысле слова до-философской сферы исследований, к какой принадлежат все опытные науки (но и не одни только они), — это вполне сознательно отодвигать в сторону любой скептицизм вместе со всей его “натурфилософией” и “теорией познания” и принимать любые предметности познания, где бы они действительно ни обретались, — какие бы трудности ни открывала задним числом в возможности подобных предметностей теоретико-познавательная рефлексия».⁴⁴ Из этого ясно, что выбор установки сознания определяет и возможности быть эффективным/неэффективным представителем науки. Причем эффективность или неэффективность не означают социальную вовлеченности или отчужденности, затрагивая только близость или удаленность связи познающей мысли с реальностью.

В результате проведенного сравнительного анализа оказывается возможным выделить следующие принципы экспликации причин видоизменения философских образов науки: 1) наука — это совокупность идеализирующих установок сознания, позволяющих выстраивать образы мира в границах региональных онтологий (или «частных способов понимания действительности»); 2) идеализирующие установки в целом соответствуют структурам сознания, представляющим совокупность интенциональных переживаний; 3) общей причиной трансформации образов науки является изменение установок сознания. Раскрытые принципы не коренятся ни в рамках только лишь феноменологии, ни теми более в пределах каждого из затронутых сравнением подходов. В то же время выделение таких принципов в ходе сравнительного анализа становится возможным в результате постановки акцента на сильных сторонах феноменологии. Вот это обстоятельство и позволяет нам увидеть, что в плане понимания причин, по которым протекает трансформация философских образов науки, феноменология действительно играет ключевую роль.

⁴³ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. М.: Академический Проект, 2009. С. 83.

⁴⁴ Там же. С. 84.